
СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рафи Речицкий

СЕТИ ДОВЕРИЯ, БЕЗОПАСНОСТЬ И ДЕТЕРМИНАНТЫ МИГРАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ: СЛУЧАЙ БЕЖЕНЦЕВ В УКРАИНЕ

Как международная политика влияет на формирование социальных сетей и социальное действие? На основе анализа глубинных биографических интервью рассматриваются факторы, влияющие на образование миграционных сетей доверия между беженцами, данные о которых дополнены информацией из миграционных дел и этнографического исследования в Украине. Анализ жизненных историй переселенцев из Афганистана, Эфиопии, Ирана и Палестины позволяет выявить такие факторы влияния на создание сетей доверия, как геополитические отношения между страной происхождения и страной прибытия, длительность миграционного периода, иммиграционное законодательство и международная политика, а также намерения субъектов, способствующие передвижению. Пересекаясь, эти факторы определяют формирование ресурсов, позволяющих или ограничивающих оседлость либо мобильность. Центральный тезис статьи заключается в том, что международная миграционная политика играет ключевую, но неоднозначную роль при принятии миграционных решений, поскольку последние также зависят от оседлых или мобильных социальных сетей. Сочетая подходы исследований вынужденных переселенцев и беженцев, аргументы статьи основываются на работе Чарльза Тилли, объясняющего влияние миграционных «сетей доверия», что помогает понять, как социальные связи сохраняются в транснациональном социальном мире.

Ключевые слова: миграция, беженцы, социальные сети, Украина, миграционные сети доверия

Рафи Речицкий – старший преподаватель факультета политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: rechitsky@eu.spb.ru

Введение

В душевной квартире украинского города повисло напряжение между мигрантами и беженцами, вызванное несогласием по поводу сделки. В конфликте вокруг перепродажи маршрутки фигурируют: пакистанский переговорщик и президент ассоциации по культуре, иракский студент-медик в качестве инвестора, индийский торговец в качестве покупателя, безработный украинский ветеран и его племянник, подписывающие документы, и Рабах, беженец из Палестины, в качестве посредника. Рабах требует высокой оплаты за сделку. *«Мы тут чертовы иностранцы, которых обманывают ко всем чертям»¹*, – заявляет он на богатом русском. Дым сигарет кружится вокруг пустых пивных бутылок на кофейном столике. *«Почему мы вообще должны тебе столько»*, – ворчит он на своего украинского друга. Однако встреча заканчивается рукопожатием, и сделка торжественно заключается к удовольствию сторон. Рабах рад, поскольку он зависит от своих социальных сетей, так как из-за статуса беженца в его жизни существует множество ограничений, выражающихся, например, в невозможности вернуться в Газу или уехать к брату во Францию. Он стягивает иммигрантские сети, которые открывают ему доступ к социальным, культурным и материальным ресурсам, связывающим его с тем местом, что он зовет родиной, где он прожил уже большую часть своей жизни. *«Этот город очень мне дорог»*, – объясняет он в интервью, – *«он больше, чем просто второй родной город»*.

Тем временем в серый и унылый вечер на окраине другого украинского города какофония страстных голосов пробивается сквозь окна маленькой евангелистской церкви, соединенной с обветшалым зданием советского театра. Воскресная служба велась совместно иммигрантами из Западной Африки и украинцами на смеси русского, украинского и французского языков. После службы Можган и ее сын Шариф, иранцы, приехавшие в Украину за год до этого, поведали узкому кругу друзей о своей увлекательной истории: побег от жестокого мужа-иранца в Германию, приют для женщин, пункт содержания мигрантов, обращение в христианство, возвращение в Иран в качестве миссионеров, религиозные гонения, насилие и, наконец, перелет в Украину по стопам родственника-студента. Эта история начинается с заявления на предоставление политического убежища, которое они составили в местном представительстве Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). Несмотря на мотивы их побега, только подвижные социальные сети позволили им надеяться обрести в итоге пристанище. На лбу Можган появился новый шрам. Она рассказала мне, как из-за проповеди на нее напали иранские студенты по обмену, которых она подозревает в шпионаже в пользу Иранского государства. Испытав давление при пере-

¹ Все цитаты интервью переведены с английского – Прим. ред.

сечении границ, Можган устанавливает связи скорее с транснациональными религиозными движениями, чем с иранцами, другими иммигрантами или украинцами, в надежде найти тех, кто помог бы ей переехать в США и искать убежища там. В то время как социальные сети Можган и Рабах связывают их с другими беженцами и мигрантами, сеть Рабах в отдельности предоставляет ему ресурсы для оседлости, а сеть Можган – для будущей миграции. В статье исследуется изменчивая роль социальных сетей в формировании миграционных решений вынужденных переселенцев и беженцев, опираясь на подходы исследований миграционных процессов, кейс-стади вынужденной миграции, а также обрисовываются социальная и миграционная политика – на основе биографических интервью беженцев из Афганистана, Ирана, Кыргызстана, Палестины и Эфиопии в постсоветской Украине.

По сравнению с российской политикой в отношении беженцев, сфокусированной на мигрантах из бывшего СССР (Shevel 2011), в независимой Украине скорее формировались «нетрадиционные» сети сообществ мигрантов из «дальнего» зарубежья и глобального юга, следовавших по сетям советских программ студенческого обмена и рабочих поездок. Исследователи утверждают, что более отдаленные «несоотечественники» позволили обогатить «капитал разнообразия» в таких странах, как Украина или Чехия, нивелируя этническое деление в спорной политике национальной идентичности (Ruble 2005; Shevel 2011). Тем не менее такого рода исследования не раскрывают связь миграционных процессов с локальными формами организации социальных сетей, а большинство европейских исследований фокусируются на «транзитной миграции», поскольку европейские должностные лица, определяющие политический курс, заинтересованы в ограничении граждан стран третьего мира в использовании Украины в качестве перевалочного пункта на пути в Европу. Американские миграционные исследования несмотря на вызовы транснационализма ограничиваются рамками ассимиляционной парадигмы.

Статья организована следующим образом. В первой части исследуется литература о социальных сетях с особым вниманием к современным исследованиям миграционных сетей доверия. Во второй части обосновываются методы исследования и выбор случаев, которые я использовал. Третья часть в деталях представляет результаты работы, демонстрируя, как геополитика, время, намерения и право, пересекаясь, влияют на миграционные решения в жизни беженцев. Наконец, четвертая часть обобщает выводы и обрисовывает социальные сети и их роль в безопасности и миграционных решениях. Таким образом, в статье подчеркивается важность правительственных программ и деятельности индивидов, темпоральных и в особенности геополитических факторов, при формировании жизненных шансов людей, уходящих от преследований в своей стране. Особо выделяется доверие в сетях беженцев для понимания того, что мотивирует их решения о переселении

или продолжении миграции. Иными словами, центральный вопрос статьи заключается в следующем: какие факторы воздействуют на формирование социальных сетей и ресурсов, оказывающих влияние на мотивы беженцев осесть или двигаться дальше. Работа исследует две взаимозависимых проблемы: (1) насколько намерения беженцев остаться в стране прибытия или двигаться дальше продиктованы композицией социальных сетей; (2) какие переменные составляют оседлые и мобильные социальные сети. Мой аргумент заключается в том, что количество времени, проведенного в изгнании, структура правовых возможностей, первичные намерения и геополитика влияют на создание социальных сетей беженцев, которые, в свою очередь, определяют оседлость или дальнейшую миграцию.

Миграция и социальные сети

Какую роль играет композиция социальных сетей при формировании намерений беженцев обосноваться в принимающей стране или продолжить поиск? Социально-политические исследования миграции обычно фокусируются на двух аспектах миграционных решений переселенцев с «глобального юга» на «глобальный север». С одной стороны, анализируется неурегулированная миграция через проблематизацию контроля над доступом к гражданству в постколониальных метрополиях и обществах, в которые приезжают люди из стран, ранее оккупированных властями этих обществ. С другой стороны, миграция беженцев понимается как пространство действия международного гуманитарного режима защиты уязвимых групп (см. Geiger, Pécoud 2014). Эти два направления исследований важны для понимания значения результатов миграционного процесса для отправляющих и принимающих стран. Тем не менее эти подходы не учитывают социальные сети уязвимых групп в ситуации вынужденной миграции. Изучение социальных сетей людей в движении может помочь понять транснациональную мобильность беженцев при исследовании «миграционных сетей доверия» в западных принимающих государствах (Tilly 2007; Flores-Yeffal 2013).

Транснациональный аспект миграционных исследований культуры, законов и политики бросает вызов неоклассическим предположениям о причинах и мотивах международной миграции. Предполагается, что в сообществах с высоким уровнем миграции, социальные нормы и ценности создают новые социальные порядки, поддерживающие ее или перемешиваются с уже имеющимися (Ruо 2013). Так, правоведы и экономисты-бихевиористы считают, что преследование неурегулированных мигрантов демонстрирует низкую легитимность миграционного законодательства среди самих мигрантов, в особенности из обществ с длительной миграционной традицией. Юристы подчеркивают центральность индивидуальных решений, стимулирующих миграцию, что не дает возможности увидеть, как культура миграции воспроизводится или изменяется во времени через социальные сети.

Сетевой подход остается центральным в исследовании международных миграционных процессов (Massey et al. 1998). Мигрантские анклавы изначально устанавливаются через череду передвижений, где мигранты-первооткрыватели находят возможность создать устойчивые связи через сети с большими узлами внутри иммигрантской когорты. Концепт сетей использовался, чтобы объяснить формирование и увеличение миграционных анклавов в США в начале XX в., а также чтобы понять новоявленные трансграничные связи, выраженные в денежных переводах. Так, «сила слабых связей» у большинства новоприбывших формирует организационный базис, устанавливающий обширную сеть, которая содействует миграции и поддерживает ее. Как и в монографии «Доверие и правило», в своей последующей работе Чарльз Тилли подчеркивает важность «сетей доверия» мигрантов, поскольку они, будучи межличностными связями, содействуют и регулируют ресурсные потоки, поддерживающие социальные связи (Tilly 2007). Он определяет сети доверия главным образом как «разветвленные межличностные контакты, состоящие преимущественно из сильных связей, внутри которых люди создают ценностные, значимые, долговременные ресурсы и предприятия, уязвимые к злоупотреблениям, ошибкам и неудачам других членов сети» (Tilly 2007: 7). Флорес-Йеффаль, развивая теорию Тилли в книге о мексиканско-американской миграции (Flores-Yeffal 2013), подчеркивает, что тесные структуры сетей важнее всего для незарегистрированных мигрантов. «Миграционные сети доверия» поддерживают миграцию, устанавливая сильные связи и устойчивые границы вокруг защищенных социальных сетей, необходимых для безопасности их членов в отношении задержаний, нарушения прав и депортации. Иными словами, Флорес-Йеффаль задокументировала важность доверия транснациональных сетей для мексиканцев в защите от внешних рисков уже в США. Такие сплоченные сети доверия необходимы не всем международным мигрантам, а в большей степени тем, кому отказано в доступе к базовым правам на гражданство и услугам, имеющим отношение к этим правам (например, банковские услуги, получение водительских прав, посещение школы, жилье). Несмотря на то что исследование Флорес-Йеффаль указывает на ограничения выстраивания сетей неурегулированных мигрантов, оно полезно и для объяснения ограничений и даже рисков внутри самих сетей, влияющих на вынужденных спасаться бегством от социального конфликта. Я утверждаю, что внутренние риски ограничивают возможность создания социальных сетей, в особенности спасающихся от этнического, религиозного или другого социального и политического преследования людей. Современные исследования выявляют, как миграционные решения беженцев связаны с их положением в сети, обуславливая решения незащищенных групп, таких как беженцы, для которых защита от государственного насилия является основной целью (см. Guild 2009).

Формулируя гипотезы о факторах, влияющих на мобильность в транзитных странах, эта работа вносит теоретический вклад относительно

того, почему люди переезжают и как «миграционные системы» воспроизводятся в контексте вынужденной миграции (Fawcett 1999). В частности, вторичная мобильность беженцев и ориентации их сетей доверия объясняются совокупностью факторов, включающих первичные намерения переехать, политику в принимающей стране и ее законодательство, а также длительность пребывания в новой стране. То, как беженцы и другие незащищенные слои переселенцев доверяют социальным сетям, объясняет миграционные решения.

Методы исследования

В работе используются различные качественные методы, в основном этнографическое наблюдение и анализ архивных данных, экспертных интервью и правительственных программ. Полевая работа длилась четырнадцать месяцев – основная часть материала была собрана в 2010–2011 гг., а также продолжилась в 2012 г. Полевые исследования проводились в городах Украины, принимающих наибольшее количество мигрантов: Киеве, Харькове и Одессе. В каждом городе я находил респондентов, а также проводил наблюдение в офисах НКО, находящихся в партнерстве с Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев и специализирующихся на правовой и социальной помощи. Для полевой работы вне этих учреждений информанты привлекались на рынках и в магазинах, где работают беженцы, а также в центрах расселения беженцев и их домах. Согласно принципам метода сбора нарративных биографий (Mauney et al. 2008), представленных рассказами восьми беженцев в Украину, в статье не делается попытки статистически репрезентировать демографические характеристики беженцев или мигрантов в качестве этнической подгруппы, хотя отбор респондентов и совершался в стремлении достичь разнообразия¹.

Результаты

Чтобы объяснить процесс создания сетей беженцев, используется аналитическая рамка четырех факторов среднего уровня: время, право, геополитика и намерения. Я обращаюсь к похожей схеме Дювелля (Düvell 2006), анализирующего транзитную миграцию как изменчивую продолжающуюся мобильность. Под *временем* я понимаю продолжительность проведенного в транзитной стране периода, темпоральное измерение переезда и оседлости. Чем больше времени беженец провел в пункте назначения, тем больше

¹ Цель отбора респондентов не заключалась в генерализации характеристик различных групп (этнических, национальных и т.п.), они скорее были выбраны, чтобы показать работу социальных механизмов влияния на сети, формирующие потенциально значимые миграционные решения.

мы ожидаем, что его социальные сети будут связаны с этим местом, нежели с мобильностью. Под *законом* я понимаю структуру правовых возможностей, которая является результатом политики государств и международных учреждений. Менее ограничительная миграционная политика и более доброжелательная политика в отношении беженцев в третьих странах может помочь вынужденным мигрантам построить свои сети, ориентированные на переселение в такие государства. Под *геополитикой* здесь понимается отношение между страной происхождения беженца и принимающей страной, где он сейчас пребывает. Дальнейшее исследование мобильности беженцев показало бы, что враждебные отношения между правительством страны происхождения и страны назначения повлекли за собой чувство незащищенности и мотивацию освоить ресурсы для последующей миграции. Под *намерениями* я понимаю первичную причину переезда и выбор пространственной точки назначения во время отъезда. Здесь, за исключением ситуации, когда намерения переехать из страны А в страну В изменяются, даже несмотря на изменения в процессе поездки, можно ожидать, что социальные сети будут способствовать последующему движению в большей степени, чем оседлости. Следующий материал представляет собой биографии пяти беженцев и помогает проанализировать, как эти четыре фактора пересекаются и тем самым влияют на сети доверия.

Время и право

Влияет ли время, проведенное в стране, на решение там остаться? Лике – 40-летний мужчина из Эфиопии. Будучи рядовым членом диссидентских организаций в социалистической Эфиопии в 1980-х гг., он отслужил в армии, а в 1988 г. был отправлен на учебу в СССР по программе обмена. *«Я не сомневался насчет отъезда»,* – объясняет он, – *«У меня были планы вернуться назад и работать в организации. Я не думал, что мне придется уехать. Но потом к власти пришли антиправительственные силы».* Он приехал домой примерно в 1991 г. после завершения учебы, но вскоре вернулся в Украину. После падения социалистического строя в Эфиопии, он начал получать угрозы за пособничество ссыльному эфиопскому оппозиционеру.

Лике пристально смотрит на меня, пытаясь объяснить, как он старался поддерживать семью в Украине, работал в киоске с электроникой по 10 часов в день на маленьком уличном рынке, получая около 40 долларов в неделю. Он рассказывает мне о своих надеждах на возвращение в Эфиопию со своим украинским сыном, хотя знает, что там у него ничего не осталось: его родители скончались, многие родственники покинули страну. Еще одна причина, по которой Лике опасается преследований в Эфиопии, – его смешанное этническое происхождение: *«Когда пришла война, начались и этнические чистки. [Новые власти] объявили: ты, Оромо, живи здесь, ты, Амхара, живи здесь. ... Куда возвращаться-то?»*

Страна-то пустая). Однако именно статус политического беженца не позволяет ему вернуться в Эфиопию. «Я только что прочитал, как студенты учатся за границей», – вспоминает он, – «У меня никогда не было такой мотивации, да и сейчас у меня нет такой мотивации. Жизнь просто так повернулась: война дома, бандитизм». Случай Лике показывает, что длительность времени, проведенного в стране, может не изменять намерений там остаться. Более того, его история демонстрирует постколониальное наследие в миграционном процессе в регионе. Студенческие обмены СССР с 1960-х гг. повлекли за собой длительную эмиграцию из Эфиопии в Украину и в значительно меньшей степени в Западную Европу. Когда сотни тысяч эфиопов спасались бегством от гражданской войны в 1990-е гг., такие же студенты, как Лике, вернулись в Украину и были вынуждены там остаться.

Государство и закон продолжают влиять на миграционные мотивации этого стареющего эфиопа, который сумел создать в Украине свою семью и сообщество. Лике все еще вовлечен в международные сообщества его нынешнего города: он активный член лоббистских групп, защищающих права беженцев в Украине. Его сети в большинстве своем укоренились в Украине, несмотря на его связь с другими беженцами, которым он помогает в подаче документов на политическое убежище. Однако это не те типы сетей, которые предоставляют возможности для последующей миграции, оставляя судьбу беженца в руках международных режимов.

Несмотря на то что Лике встроился в местное сообщество, он и его семья также рассматривают варианты переезда за границу. Из-за отсутствия реальных возможностей получить гражданство, будучи беженцем, а также из-за ограничений в получении визы, Лике не может ни работать в Украине, ни переехать в другую страну. Документы беженца редко принимаются при подаче заявлений на рабочую визу в западных странах, и он также сомневается, что ситуацию сможет изменить его будущий украинский паспорт, в особенности из-за его статуса натурализованного мигранта:

Этим летом я пытался получить разрешение на работу [в Швеции]. 500 долларов за приглашение – я сейчас не могу себе такое позволить. То есть, даже если у тебя есть нормальный документ, все равно сложно уехать отсюда. Даже если тебе повезло, как мне, получить статус [беженца] с 1997 года. Конечно, у нас есть проездной документ, но это не работает. Они украинский даже рассматривать не будут...

Несмотря на то что Лике осел в Украине, ему все еще приходится просить помощи международных организаций и отчаянно бороться за право переселиться, которое вряд ли будет когда-либо получено. «УВКБ уже многое сделало, но я спрошу УВКБ о возможности переселиться, это их обязанность. Таков мой план. Я нахожусь здесь в странной ситуации, я не могу просто взять и поехать куда-либо».

Закон и геополитика

Закон и геополитика совмещают в себе и возможности для миграции, и преграды. Влияние закона и геополитики на многоступенчатую миграцию лучше всего демонстрируется случаем Сахеля, 26-летнего афганца, которого я впервые встретил через месяц после моего приезда в Украину. После изучения английского в Кабуле до американской оккупации, он работал устным переводчиком и младшим медбратом в больнице, пока в 24 года не был вынужден бежать из Афганистана. Он согласился работать переводчиком на западное агентство по вопросам развития за хорошую зарплату и «особую визу» в США, обещанную на случай угрозы жизни в связи с этой работой. Несколько лет спустя, Сахеля, некоторых его коллег и миссионеров, работающих в госпитале, стал преследовать Талибан, узнав об осуществляемом ими переводе религиозного памфлета для «американских друзей».

Вместо получения статуса вынужденного переселенца через структуры УВКБ и особой визы от «американских друзей», Сахель провел год в пакистанском лагере, ухаживая за больным спутником. Он не мог переехать в США из Пакистана из-за правовой коллизии визовой политики. Введенная в действие в 2007 году специальная визовая программа для афганских переводчиков в США позволяла выдать только 25000 виз, одобренных Конгрессом (Baker 2010). Вместо этого, его бывший американский работодатель дал ему 3000 долларов, которые он заплатил контрабандисту, чтобы тот перевез его в безопасное место в Австрии. Однако в связи с изменениями в маршруте, возможно из-за смены пограничных режимов, его путешествие через Украину пошло не по плану. Контрабандист оставил Сахеля неподалеку от Киева, сказав, что тот сам теперь должен добраться до ЕС. Типичная история транзитной миграции Сахеля показывает, как политика разных стран многими способами влияет на миграционные траектории.

Чтобы выжить в Украине, он установил контакты с местными афганцами и украинцами. Сахель сообщил, что в течение трехмесячного путешествия из Пакистана его сопровождали афганские контрабандисты, говорящие на фарси, которых беседовавшие со мной афганские мигранты обычно называют «спасителями». Тем не менее, принимая во внимание события 11 сентября в США и наследие Афганской войны с СССР, оставившей свои следы и в Украине, местные анти-афганские настроения отозвались эхом в историях Сахеля и других афганцев, претендующих на политическое убежище. Геополитика в его истории влияет на поиск социальных сетей для упрощения поездки в Украину и за ее пределы. Но, несмотря на то что он нашел афганские сообщества, которые понимают его положение, Сахель не может устроиться и осесть в Украине.

Внутренние конфликты в афганских сообществах играют важную роль в неустойчивом социальном положении Сахеля, поскольку именно они при-

вели к тому, что ему пришлось бежать из страны. В интервью для проекта службы по делам беженцев социальный работник из партнерской УВКБ группы поддерживала «афганцев» в их стремлении « позаботиться о себе самостоятельно ». Тем не менее история Сахеля демонстрирует глубокий конфликт в сетях поддержки, особенно недавно прибывшим афганцам, помощь которым остается ограниченной. Во время первого года в Украине, Сахель стал зарабатывать себе на хлеб, освежив давно забытые навыки портного и присоединившись к группе афганских украинцев, которые занимались ремонтом одежды. Однако, как он мне рассказал, эта работа подвергла его еще большей опасности. Одна его коллега предложила ему место работы и кров в афганской семье. Вешая трубку во время нашей встречи, Сахель воскликнул: *« Я не могу жить с афганцами, поэтому я просто сказал ей, что уже нашел место, где жить »*. Сахель продолжил рассказывать небывлицы о своем новом доме, а также сочинять истории своей миграции для других афганцев, сообщая им, что приехал сюда, потому что его дядя коммунист. *« Я уверен, что если кто-нибудь из Афганистана узнает, где я, со мной случится что-то очень плохое »*. Как только мы закончили разговаривать, он поехал в УВКБ, чтобы назначить интервью о переселении. *« Единственное, как я могу здесь выжить, так это с афганцами. Они будут мне платить только 80 гривен в день до конца моих дней; у меня недостаточно средств на существование »*. Он жил размеренной жизнью, держась подальше от группы шумных иностранных студентов, которых он встретил во время работы на рынке. Два месяца спустя Сахель приобрел новую сим-карту из-за подозрений, что за ним следят: *« мне пришлось сменить номер телефона, потому что парень, на которого я натолкнулся на рынке, знал, из какого я города. Я боюсь, что он всем расскажет, что я здесь »*. Он не поддерживал отношения с другими афганцами, потому что боялся за собственную безопасность из-за преследований, которые вынудили его покинуть Афганистан. Очевидно, этнические и национальные связи Сахеля привели его в Украину, но мало чем помогли в присоединении к уже существующим афгано-украинским сообществам. В этой истории мы видим, как геополитические факторы могут изменить изначальные намерения и сформировать на их основе новые мотивации.

Понимая ситуацию, Сахель в течение двух лет пребывания в Украине делал все возможное, чтобы уехать в Евросоюз. После целого года отказов и апелляций по вопросу статуса беженца и международного переселения через ООН, Сахель попробовал « с небольшой помощью » пересечь границу со Словакией. Его депортировали назад в Украину, согласно соглашению о реадмиссии между Украиной и ЕС от 2008 г., и отправили примерно на полгода в место предварительного заключения иностранцев неподалеку от границы. Через год после освобождения, он отправился в государственный лагерь для беженцев, расположенный в приграничной Закарпатской области. Только получив дополнительные средства от своего « американского

друга» из Афганистана, он смог заплатить контрабандисту, чтобы добраться до Австрии спустя несколько лет после прибытия в Украину. История Сахеля показывает, что закон и геополитика по-разному влияют на траекторию его миграции. Ресурсы, которые он мобилизовал, встречая людей, работающих на коалиционные силы в Афганистане, а также сети контрабандистов, поспособствовали его путешествию на Запад, даже несмотря на то, что по сути цементировали его нахождение в афганском сообществе в Украине. В то же время, приграничный режим ЕС, украинская система регулирования статуса беженцев и гражданства, программа особых виз США вели его сначала в Украину, а затем дальше из нее.

Геополитика и намерения

Случай узбекской беженки Нигоры демонстрирует значение для миграционного процесса идентичности, в том числе национальной, региональной и гендерной. Во время борьбы за власть, которая последовала за «межэтническими столкновениями» на юге Кыргызстана в 2009 г. (см. Bond, Koch 2010), Нигора вместе с четырьмя членами семьи сбежала из своего дома в Кыргызстане. Она – двадцатидвухлетняя учительница английского – приехала в Украину после кратковременного пребывания в России, куда бежала из погрузившегося в насилие Оша. Записи ее интервью по процедуре предоставления убежища доказывают, что она дважды пережила избиение полицией, а дом ее семьи и целый квартал был сожжен во время беспорядков в результате этнического конфликта. Нигора считает, что стала мишенью, потому что оказалась свидетелем рейда, в процессе которого полицейские подбросили политическую литературу в дом ее дяди, подозреваемого в поддержке оппозиционной партии. Она подозревает, что отпустили ее только потому, что она женщина. Ее семья сначала бежала в Россию, и так же, как и беженцы из дальнего зарубежья, не рассматривала Украину в качестве конечного пункта назначения.

Несмотря на то что Нигора живет в Украине всего год, она надеется здесь остаться. *«У меня в Кыргызстане ничего больше нет»*, – отмечает она. Она с семьей сначала провела два месяца в России, а в ее истории подчеркивается важность намерений при принятии решения об оседлости и миграции. Вне всякого сомнения, возвращение даже не рассматривается большинством беженцев:

Когда мы с моим дядей приехали в Россию, мы не знали, к кому обратиться. Мы слышали о том, как российские службы [ФСБ] похищают беженцев из Узбекистана. Мы ждали нашего родственника. Когда мы приехали, он нам рассказал, что более надежно и спокойно было бы в Украине, что там есть, куда обратиться за помощью. В России не так, как в Украине.

Таким образом, их намерения изменились только после приезда в Россию. Боясь связываться с этническими сетями узбеков в Украине для поиска работы, ее семья из пяти человек выживает на 80 долларов в месяц – социальную поддержку от УВКБ и друзей. *«В России нас обзывали и унижали, в том числе и в Миграционной службе. Но здесь другой менталитет»*. Несмотря на то, что ее семья едва ли говорит по-русски¹, она чувствовала, что украинское общество и все учреждения ее приняли, это особенно заметно в сравнении с тем страхом, который она испытывала, опасаясь за свою безопасность, в России, и открытым расизмом, с которым ей там пришлось столкнуться. Невзирая на короткий срок пребывания в Украине и отказ в статусе беженца, она чувствует, что не является отвергнутой украинским обществом. Нигора ссылается на ее отношения с украинкой, сдающей ей квартиру, которую она встретила сразу по приезде в страну: та предоставила приют ее семье, вспоминая родство с узбеками и свою прежнюю жизнь в Советском Узбекистане. В дальнейшем Нигора также выражает свое нежелание уехать в Европу, потому что ей комфортно в «близкой культуре» в Украине и из-за боязни «незнакомых мужчин», с которыми ей пришлось бы столкнуться в ее незаконном путешествии в Европу. Это демонстрирует, как в дополнение к этническому измерению статуса соотечественника (Shevel 2011), миграционные системы постсоветского пространства (в котором люди продолжают циркулировать) вносят свой вклад в формирование местных сетей доверия.

В то же время геополитические факторы продолжают влиять на социальные сети Нигоры. Так, через несколько недель после начала нашего общения нежелание Нигоры опираться на этнические сети из-за небезопасности подтвердилось. Через ее адвокатов я узнал, что депортировали несколько ее друзей, беженцев из Узбекистана, а не из Кыргызстана, которые жили в Киеве. В их квартирах была произведена облава под руководством Службы безопасности Украины (СБУ) в рамках политически-мотивированной кампании по экстрадиции, устроенной в кооперации с узбекскими секретными службами. В результате два гражданина Узбекистана были взяты под стражу, и согласно УВКБ, отправлены в тюрьму, а затем подверглись незаконной экстрадиции без судебного разбирательства. Третий житель квартиры сбежал от украинских властей, и попал под программы международной защиты и переселения Швеции и Канады. Несмотря на правовой статус Нигоры как гражданки Кыргызстана, геополитика и намерения имели колоссальное значение, поскольку сотрудничество украинского правительства с узбекским мотивировало Нигору меньше полагаться на социальные сети других узбеков. Иными словами, когда международные практики реализации правительственных программ угрожают беженцам, восприятие

¹ Мы разговаривали через переводчика и просматривали материалы по ее делу о предоставлении убежища.

личной безопасности, основанное на травматическом опыте, влияет на мотивацию обосноваться в новой стране или уехать.

Геополитика и структура правовых возможностей в совокупности влияют на миграционную траекторию Нигоры: сначала в Россию, а потом и в Украину. Страна ее происхождения (Кыргызстан) и национальность (узбекская) были решающими факторами в ответе на вопрос, почему Нигора уехала из России также быстро, как и из Кыргызстана: она боялась за свою безопасность и опасалась депортации из России, что повлекло бы за собой преследования уже в Кыргызстане. Во-первых, национальная идентичность ее друзей узбеков, геополитически связанных с Украиной, дала им возможность получить статус беженцев на Западе, поскольку одно из приоритетных направлений УВКБ – защита групп беженцев из Узбекистана ввиду жестокости политического режима в этой стране. Это нерелевантно для Нигоры как гражданки Кыргызстана. Во-вторых, страх Нигоры отождествлять свою этничность с узбекской оформился после депортации ее друзей, случившейся вопреки сопротивлению правозащитников.

На постсоветском пространстве идентичность «соотечественников» соотносится с геополитикой как с этническими отношениями, на что указала Шевель (Shevel 2011). В-третьих, в истории ее семьи гендер остается важным фактором, влияющим на ее решение подать ходатайство о предоставлении убежища в Украине, а не двигаться дальше в европейские страны с помощью ненадежных нелегальных каналов. Во время интервью по вопросу предоставления убежища, она выразила свои страхи по поводу торговли людьми в рамках контрабандного бизнеса. Кроме того, история Нигоры дает понять, как геополитика влияет на ее возможности обосноваться в Украине. Несмотря на то что она осталась зависимой от местных социальных сетей ввиду отсутствия документов, она отказалась доверять узбекам или ассоциировать себя с ними из-за опасения за безопасность своей семьи, хотя в Украине они были не столь значительными, как в России. Ее неустойчивое положение берет начало в геополитических отношениях, которые структурируют и связывают разных людей в ситуации миграции и правительства, перемещающие их, если сочтут политически неудобными их нахождение в стране. Случай Нигоры демонстрирует способность транснациональных узбекских сообществ выработать локальные социальные узлы для оседлости в странах бывшего Советского Союза, где уже живут соотечественники. Тем не менее степень, с которой геополитика может влиять на оседлость, различается, как показывает случай воспринимаемого страха за семью Нигоры в России, но не в Украине.

Заключение

Эта работа рассматривает детали пяти миграционных биографий беженцев в Украине. Опираясь на подход к транснациональной миграции

Чарльза Тилли (Tilly 2007), предлагается собственная теория миграционных решений. В частности, в статье утверждается, что геополитика, время, закон и намерения – факторы, которые, взаимодействуя между собой, предоставляют возможности или создают препятствия для беженцев при формировании сетей доверия, способствующих или мобильности, или оседлости. Геополитические отношения между странами происхождения и назначения создают различные риски для безопасности беженцев. Опыт продолжающегося преследования в изгнании фигурирует как центральный аспект в миграционных биографиях беженцев, таких как случаи Нигоры и Сахеля. Эти факторы, в отличие от концептуализации идентичности и общего опыта беженцев, помогают объяснить адаптацию и оседлость на постсоветском пространстве (Shevel 2011). Как следует из их разных ожиданий (остаться в Украине или двигаться дальше), миграционные траектории Сахеля и Нигоры отличаются друг от друга ввиду различий не только их первичных намерений, но и этнического положения (афганский пуштун и киргизская узбечка) по отношению к геополитике. Решение Рабаха остаться в Украине в совокупности с проведенным там временем и правовыми возможностями, возникшими благодаря его палестинским документам, заставило выработать местные, а не мобильные сети доверия как с украинцами, так и с мигрантами. Нарративы беженцев из Эфиопии и Афганистана несмотря на разницу во времени нахождения в Украине, подчеркивают геополитические факторы, в частности, наследие советского интернационализма, в вопросе формирования сетей доверия, которые стимулируют либо оседлость, либо последующую миграцию. Таким образом, сетевые ресурсы могут быть использованы, чтобы обосноваться или продолжить путь, но результат варьируется в зависимости от геополитического контекста. В совокупности геополитика, время, закон и намерения создают конкурирующие и одновременно пересекающиеся между собой основы для формирования ресурсов, которые либо способствуют оседлости и дальнейшей мобильности, либо препятствуют им.

Важность этого анализа заключается в разработке подхода, который поможет лучше объяснить, как направляется и поддерживается миграция. В частности, такого рода исследования изучают, как формирование «миграционных сетей доверия» способствует возникновению транснациональных связей и мобильности (Tilly 2007; Flores-Yeffal 2013). В этой работе рассматривается, как беженцы развивают сети в направлении оседлости или мобильности. Транснациональные исследования в основном ассоциировали мигрантов, направляющихся в страны «глобального севера», с их родными странами, нежели анализировали миграцию как социальный процесс, происходящий во времени и пространстве. Исследователи политики в отношении транзитной миграции изучали исключительно миграцию в буферные страны, рассматривая ее как мост, соединяющий с конечным пунктом назначения на западе (см. Papadapolou 2008). И все же распространение кара-

тельной политики в отношении мигрантов и ослабление защиты беженцев подчеркивает важность исследований миграционных сетей доверия, поскольку они позволяют понять, как и почему люди, вынужденные покинуть свой дом, переезжают в «транзитные зоны», порой оставаясь в них (Hess 2012). Безопасность беженца находится под угрозой или полностью отсутствует не только из-за внутренней миграционной политики (см. Flores-Yeffal 2013), но также и из-за внешнеполитических механизмов, через которые изменяется структура правовых возможностей. Я полагаю, что если беженцы ставят своей целью дальнейшую мобильность, а не оседлость, они нуждаются в более сильных «миграционных сетях доверия», чтобы обеспечить свою безопасность (ср. Flores-Yeffal 2013). Внимание к безопасности человека, а не государства, позволяет понять причины и последствия вынужденного переселения на современном этапе (см. Guild 2009: 87–107).

Эта работа показала, что сети доверия могут либо стимулировать последующую мобильность из транзитных зон, либо способствовать оседлости в этих местах. Развивая социологические теории социальных сетей, важно подчеркнуть необходимость вырваться за пределы неоклассических подходов в отношении миграции, которые утверждают приоритет слабых связей в поддержке международных мигрантских сетей. Также эта статья вносит вклад в исследования, которые учитывают деятельность беженцев по формированию собственных сетей несмотря на популярный дискурс, представляющий их в качестве жертв, неспособных к каким-либо действиям. Дальнейшие исследования могут показать, как отличительные черты социальной, религиозной и политической идентичностей мотивируют людей двигаться в направлении воображаемой «Европы», преданной правам человека, тем самым способствуя росту литературы о европейской идентичности, которая наполняет миграционные исследования.

Благодарности

Это исследование стало возможным благодаря финансированию работы ученых из США программы Фулбрайт, а также благодаря наградам Брайта, Дубчека и Мearса в университете Миннесоты. Я благодарен Донне Габачча, Рону Аминзаде и участникам ежегодной встречи американской социологической ассоциации в 2014 г. за комментарии к ранним версиям работы. Личная связь с автором возможна по электронной почте: grechitsky@eu.spb.ru и raphirech@gmail.com.

Список источников

- Baker M. Interpreters and Translators in the War Zone: Narrated and Narrators // *The Translator*. 2010. 16 (2): 197–222.
- Bond A. R., Koch N. R. Interethnic Tensions in Kyrgyzstan: a Political Geographic Perspective // *Eurasian Geography and Economics*. 2010. 51 (4): 531–562.

- Düvell F. Crossing the fringes of Europe: Transit migration in the EU's Neighbourhood // *Working Paper. Centre on Migration, Policy and Society*. Oxford: University of Oxford, 2006.
- Fawcett J. Networks, Linkages, Migration Systems // *International Migration Review*. 1999. 23 (3): 671–680.
- Flores-Yeffal N. *Migration-Trust Networks: Social Cohesion in Mexican US-Bound Emigration*. College Station: Texas A&M University Press, 2013.
- Geiger M., Pécouc A. International Organizations and the Politics of Migration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014. 40 (6): 865–887.
- Guild E. *Security and Migration in the 21st Century*. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Hess S. De-naturalizing Transit Migration: Theory and Methods of an Ethnographic Regime Analysis // *Population Space and Place*. 2012. (18): 428–440.
- Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. New York: Oxford University Press, 1998.
- Maynes M.J., Pierce J., Laslett B. *Telling Stories: The Use of Personal Narratives in the Social Sciences and History*. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Ruble B. *Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington, and Kyiv*. Washington DC: Johns Hopkins University Press, 2005.
- Ryo E. Deciding to Cross Norms and Economics of Unauthorized Migration // *American Sociological Review*. 2013. 78 (4): 574–603.
- Shevel O. *Migration, Refugee Policy, and State Building in Postcommunist Europe*. Cambridge University Press, 2011.
- Tilly C. Trust Networks in Transnational Migration // *Sociological Forum*. 2007. 22 (1): 3–24.

Перевод с английского: Варвара Бондаренко